

СЛОВО О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

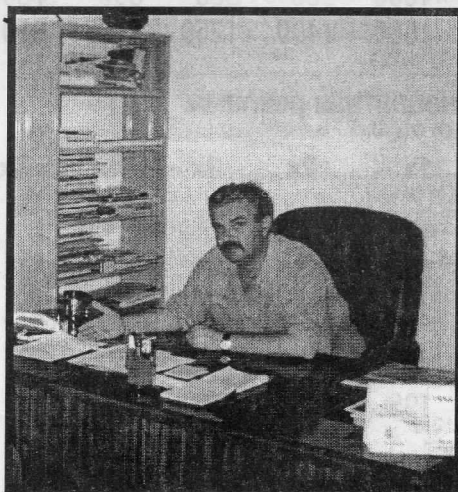
Конец 1997 года оказался на редкость урожайным на трагические события. Один за другим падали самолеты, тонули корабли, умирали люди. Словно где-то там, на небесах, по старой советской привычке кто-то невыполнил план и к концу года пытается наверстать упущенное. И, как всегда, это происходило валом. Видимо, чиновники небесной канцелярии, отвечающие за решение этой проблемы, не располагали временем, чтобы разобраться с каждой человеческой судьбой в отдельности.

Попав в этот круговорот, лица, люди, личности превращались в циничные статистические данные, за которыми уже не угадывались конкретные судьбы. Но одно дело, когда где-то умирают далекие люди (наша профессия располагает к цинизму в этом вопросе). И совсем другое, когда вдруг внезапно сообщают о том, что умер близкий тебе человек. Близкий не по крови, не по столу, а по духу. Уже все равно, что умер не в авиакатастрофе... В мыслях одни вопросы - зачем? от чего?

Когда человек умирает в 41 год, это всегда оставляет массу вопросов, на которые никто не может найти ответов. Смерть Мурада Керимова захлестнула многих, кто его знал. Отношение к ней, как лакмусовая бумага, проявило не только профессиональные, но и личностные, человеческие качества.

Наверное, для него это было предназначено судьбой - нести крест людской неблагодарности. Те, кто знал его довольно долго, запомнили его в основном улыбающимся, смеющимся, неунывающим. Обладая стопроцентной коммуникабельностью и блестящими актерскими способностями, он всегда мог убедить своего собеседника в том, что У НЕГО ВСЕ ХОРОШО. На самом деле он только иногда позволял себе сбросить эту маску, и тогда становилось понятно, как ему тяжело. Будучи сам человеком, ис-

пытывающим тяжесть людской неблагодарности, он всегда помогал тем, кому бывало тяжело. Его поддержка была всегда - вовремя и никогда - навязчива. Он помогал во всем. Не было случая, чтобы он отказал кому-то, если у него была возможность чем-либо помочь. А уж если он говорил "нет", то это означало, что сделать желаемое невозможно. Он не был святым. У него были и свои грехи и свои ошибки, за которые он,



впрочем, заплатил сполна. И несмотря ни на что, в памяти он останется человеком, которого можно охарактеризовать словом ЛЮБОВЬ.

Он любил все. Он любил этот город, в котором не был рожден и потому любил его, как любимую женщину. Он любил женщин, и они платили ему взаимностью, потому что каждой он давал то, в чем она нуждалась в этот момент. Недаром его знаменитый второй тост посвящался дамам. Он любил семью, потому что жена была его надежным тылом, а сын - растущей усладой глаз. Как говорил Хайям "нет ничего слаще того, как видеть плоды своих стараний". Он любил свою работу. Любил самозабвенно. Он неоднократно говорил одну и ту же фразу: "Ложишь-

ся вечером спать и думаешь: "Да будь она проклята, а утром встаешь, и ноги сами тебя несут". Он любил слово, владевший блестящим мастерством разговорщика, его анекдоты, байки всегда были современны и остры, его шутки оставались в памяти, а тосты стали традиционными для всех, кто участвовал с ним в застолье. Он был сибаритом. Он любил эту жизнь, всю целиком - с ее горестями и радостями, с ее плотскими утехами и духовными возвышениями.

Он любил писать стихи и делал это достаточно хорошо. При жизни практически не публиковался. Недаром во втором номере "Монитора" мы в качестве эпиграфа к материалу "Город, который мы потеряли" взяли его четверостишие о Баку и подписали "М.Керимов, из неопубликованного". Он тогда полушутя сказал: "Как будто есть что-то опубликованное".

Он умер внезапно и неожиданно для всех. Самый страшный парадокс заключается в том, что он, кто всегда был центром внимания, кто никогда не оставался один и вокруг кого объединялись не только люди, различные по характеру, но и по духу, - умер один и в чужой стране. Словно Господь перед концом дал ему возможность подумать в одиночестве, подвести итоги, а земля, которую он так любил, не захотела видеть его смерть.

И все-таки никак не укладываются вместе два понятия - Мурад и смерть. Более несовместимых понятий нет. В нашей памяти, в памяти тех, кто его знал и любил, он будет жив. Жив, пока каждый из нас будет поднимать традиционный второй тост за дам, пока будут звучать его стихи, пока звучат в памяти его слова: "Ну что вы сидите с такими лицами, будто я уже умер". Ну конечно, не умер, Мурад, разве ты мог умереть...